

УДК [81'366:811.411.21]: 297.18

*В.А. Розов***КОРАН КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МОРФОЛОГИИ ДРЕВНИХ АРАВИЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ**

Цель настоящего исследования – описание значения Корана как источника лингвистических сведений о морфологии аравийских диалектов в доисламский период. В ходе исследования были проанализированы преимущества и недостатки различных подходов к выявлению диалектного пласта коранической лексики. В числе традиционных подходов можно назвать обращение к лексикографическим работам средневековых арабских авторов, содержащим информацию о диалектной лексике в Коране и использовании эпиграфических источников в качестве сопоставительного материала. Также демонстрируется значение хронологии сложения текста Корана как потенциального критерия выявления относящейся к мекканскому и мединскому диалектам лексики, что, наряду с обращением к новым подходам в изучении морфологии арабского языка, позволяет расширить знания о социолингвистической ситуации в Аравии в эпоху зарождения ислама.

Ключевые слова: Коран, арабский язык, диалекты, лексика, морфология, хронология.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-183-189

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта No 18-012-00849)

Священное писание мусульман, Коран, является уникальным памятником раннеаравийской истории и литературы. Вмещивший в себе все богатство предшествующих традиций в области словесности, Коран является важным источником не только для религиоведов, историков, философов, литературоведов, но и для лингвистов. Ниспосланный, согласно убеждению мусульман, «на языке арабском ясном» (16:105) (здесь и далее при ссылке на текст Корана в скобках указывается номер главы–суры и стиха–*айата*), Коран содержит в себе ценнейшие сведения, проливающие свет на языковую ситуацию в Аравии VIII в. н.э. Более того, справедливо и обратное – лучшее понимание языка Корана позволяет собрать новые сведения об обстоятельствах зарождения самой молодой монотеистической религии – ислама. Это позволяет внести вклад в сопоставительное религиоведение, поскольку данные о проповеди других пророков монотеизма и основателей мировых религий документированы гораздо более скудно по сравнению с первыми десятилетиями формирования ислама.

Арабский язык Корана также обладает рядом свойств, выделяющих его из массива арабских идиолектов. Прежде всего, необходимо отметить, что Коран является самым ранним из письменно зафиксированных литературных памятников арабского языка, что придает ему особое значение. К тому же, «Коран объединил практически все виды текстов, бытовавших в предисламской Аравии. Они были связаны общей формой пророческого откровения» [5, с.113]. Более того, священное писание мусульман является, по сути, записью живой речи Мухаммада, отражающей как индивидуальные особенности его речи, так и эмоционально-психологическое состояние. При этом «язык Корана – явление необычайно сложное. Современный уровень понимания проблемы позволяет выделить в нем особые формы – сакрального языка, аравийского поэтического языка (*койне*), обиходно-бытового койне межплеменного общения в их мекканском варианте» [5, с.38]. Таким образом, на язык Корана оказала значительное влияние социолингвистическая ситуация, сложившаяся в Аравии к началу проповеди Мухаммада, а текст книги несет в себе следы родного для Мухаммада мекканского диалекта племени Курайш, а также других диалектов, распространенных в то время в колыбели зарождения ислама [12, р.661].

Анализ диалектных влияний на язык Корана представляется чрезвычайно важной исследовательской задачей. Особенно это касается морфологических особенностей языка Корана, поскольку морфологические особенности вошедшей в него диалектной лексики остаются гораздо менее изученной областью по сравнению с фонетикой и лексикой. При этом основной прогресс в изучении влияния лексики аравийских диалектов на язык Корана был достигнут в середине прошлого века [14, р. 530–531]. Современные достижения в области исследования коранической морфологии, а также других гуманитарных наук, в том числе – археологии и палеографии, позволяют вернуться к вопросу о

влиянии диалекта на язык Корана, который, таким образом, превращается в ценный источник по изучению социолингвистической ситуации в доисламской и раннеисламской Аравии [12, р. 661–662]. Все это требует тщательного рассмотрения возможных источников сведений о влиянии племенных и региональных аравийских диалектов на морфологические особенности Корана.

Займования и загадочные, незнакомые рядовым верующим слова в тексте Корана были в фокусе внимания как традиционных мусульманских ученых, так и западных исследователей. Уже первые толкователи священного писания мусульман сталкивались с тем, что ряд слов был непонятен слушателям и читателям. Какие-то из этих слов были кораническими неологизмами или займованиями из других языков, требовавшими разъяснения и для первых слушателей Мухаммада. Это прежде всего «божественные», связанные с откровением из высших сфер слова, например, название мифических птиц – *abābil*; имя (по другим толкованиям – место хранения) книги, в которой содержатся имена праведников – *illiyūn*. Загадочные, непонятные слова в тексте Корана выполняли важную функцию – привлекали внимание слушателей и маркировали текст откровения в качестве сакрального высказывания, противопоставленного профанной речи. Употребление редких, непонятных слов позволяют сразу же отделить высказывание от обыденного разговора и ввести его в сферу сакрального, которой присуща отличающаяся энигматичностью и таинственностью речь [9, р. 317].

Диалектальные влияния в тексте Корана также находились в поле зрения средневековых арабских филологов. Средневековые сочинения, касающиеся диалектной лексики в Коране, восходят к списку, в качестве составителя которого мусульманская традиция называет ‘Абдаллаха Ибн ‘Аббаса [13, р.15]. Рассмотрим в качестве примера один из наиболее полных и широко известных трудов, названный «Языки в Коране» (*Al-Lugātī al-Qur ‘ān*) [16]. Племенная лексика в нем расположена в порядке ее появления в тексте Корана, а ее список распределен по сурам, при этом в начале сочинения приводится подсчет диалектных слов в Коране. Ссылаясь на Ибн ‘Аббаса, автор сочинения приводит количество займованных из племенных диалектов и иностранных языков лексических единиц Корана. Согласно этому списку, самое большое влияние на лексику священного писания мусульман оказал родной для Мухаммада диалект племени Курайш (104 слова). Далее перечисляется количество лексики, займованной из племен Хузайл (45 слов) и Кинана (36 слов). Химьяритам и джурхумитам приписывается 23 и 21 слов соответственно. К лексике племен Тамим и Кайс ‘Аилан причисляется по 13 лексических единиц. Каждому из остальных перечисленных в списке племен приписывается гораздо меньшее количество слов: от 1 до 6 [16, с.6].

Такого рода труды являются важным источником сведений относительно диалектной лексики в Коране, однако они не лишены ряда недостатков. Во-первых, в них нередки разночтения и противоречия, что неудивительно, учитывая время их составления. К тому же, ссылка на авторитет Ибн ‘Аббаса, является, вероятнее всего, попыткой придать дополнительный авторитет сочинениям посредством апелляции к известному деятелю раннего ислама, и не отражает действительность [13, р.25]. Наконец, такого рода работы подробно освещают влияние диалектной лексики на язык Корана, однако содержат довольно скудные сведения относительно влияния племенных и региональных вариантов на особенности морфологии и синтаксиса его языка [13, р.23].

Другим важным источником по раннеаравийским диалектам и их влиянию на язык Корана являются данные палеографии. Важно отметить, что «в аравийской эпиграфике отмечены различия как в морфологии (использование определенного артикля), так и лексике, что свидетельствует об имевшихся в это время диалектных различиях» [4, с. 111–112]. При этом засвидетельствованная в эпиграфических памятниках диалектальная лексика используется также в Коране и доисламской поэзии, что открывает перед исследователем большое поле для сопоставительного анализа [17, с. 170]. Так, например, помимо уже отмечавшихся особенностей реализации артикля в диалектах, данные эпиграфики в сопоставлении с кораническим материалом проливают также свет на особенности корневого строения слов-когнатов в различных диалектах. Кораническому глаголу *‘as ‘asa* («разыскивать в темноте», «наступать» (о ночи)), относящемуся к группе т.н. четырехбуквенных глаголов, в самудийских надписях соответствуют глаголы, образованные от корней *‘-w-s* и *‘-s-s* [17, с.193]. Подобное чередование вызвано особенностями морфологического строения арабского языка, в частности – консонантному характеру корня и существующей за счет этого возможности перестановок согласных внутри корня [2, с.147].

Вообще, при анализе языковых особенностей Корана необходимо учитывать характерные черты арабской морфологической системы. В первую очередь, нужно отметить особенность арабского

языка, общую и для других семитских языков – наличие консонантного дискретного корня, который является как бы зародышем, «из которого может образоваться при помощи гласных и существительное, и прилагательное, и глагол, и наречие» [2, с.91]. При этом семитские языки совершенно отличаются от других именно в силу консонантного строения корней и того обстоятельства, что «лексическое значение в большинстве случаев связано в них только с согласными, тогда как гласные служат для того, чтобы дать корню грамматическую форму» [2, с. 87].

Также необходимо отметить присущее арабскому языку богатство отглагольных морфологических форм, образующих строгую и упорядоченную систему, в которой важное место занимают словообразовательные модели (в арабистике за ними закрепился термин «породы», обычно они обозначаются римскими цифрами), в рамках которых и происходит деривация производных форм. Семантика этих моделей определена – каждая из них имеет определенное значение или набор глагольных значений (каузативность, возвратность, взаимная направленность действия и т.д.). При этом консонантный корень, несущий общее, абстрактное значение как бы «вставляется» в эти модели, в результате чего образуется значимое слово, в котором общее значение несет корень, а вспомогательное, уточняющее значение передается словообразовательной моделью [10, р. 283–284]. Имеют место случаи, при которых схожее, а иногда и одинаковое значение передается словами, образованными посредством разных типов родственных корней или разных морфологических моделей. Так, например, глагол «диктовать» от корня *k-t-b* со значением «писать» может реализоваться как в форме II породы (*kattaba*), так и в форме IV породы (*aktaba*), в результате чего в языке существуют две синонимичные глагольные формы, образованные от одного корня. Такие синонимичные слова могут параллельно существовать в том или ином варианте арабского языка, однако часто в том или ином диалекте может быть распространенной только одна из этих форм [11, р.293].

Последнее обстоятельство открывает возможность использования Корана как самостоятельного источника сведений о доисламских арабийских диалектах. Разнообразие регистров языка Корана, как и отраженное в его тексте влияние диалектов, является результатом длительного процесса сложения текста Корана, который длился более двух десятилетий. Суры Корана делятся по хронологическому принципу на мекканские, т.е. ниспосланные в Мекке (610–622 гг.), и мединские – те, что были произнесены Мухаммадом после переселения в Йасриб, названный впоследствии Мединой (622–632 гг.). При этом мединские суры могут содержать в себе мекканские айаты и наоборот.

Мекканские и мединские суры отличаются по размеру и стилю: первые суры короткие, насыщенные образами, яркими метафорами и риторическими вопросами, айаты в них короче и обладают ярко выраженным ритмическим рисунком. Для этих сур характерно широкое использование рифмованной и ритмизованной прозы (*садж'*), придающей тексту особое поэтическое, вдохновенное звучание. Тематика мекканских сур – увещевания, предупреждения о скором Страшном суде, описания наказаний, которым Бог подверг народы, живущие до проповеди Мухаммада, и истории посланных к ним пророков. Мединские айаты и суры гораздо длиннее и ближе к прозе, чем к поэтическому языку, в них гораздо меньшее количество художественных и риторических приемов. В мединских сурах содержатся проповеди, в том числе, использующие в качестве примера описание библейских сюжетов, а также религиозные, правовые и моральные установления. Важно отметить, что разница в стиле сур мекканского и мединского периодов обусловлена также различием риторических и поэтических приемов, построенных в том числе и на широком использовании особенностей морфологии арабского языка. К ним можно отнести широкое использование форм страдательного залога (в т.ч. формул, вводящих косвенную речь посредством слова *qila* – «было сказано») [8, р.391], а также широкое использование однотипных морфологических моделей при создании рифмы на концах айатов [7, с.96].

Однако анализ особенностей реализации морфологических форм отдельных лексем в зависимости от хронологии ниспослания текста Корана оставался пока преимущественно за пределами поля зрения исследователей. Тем не менее, нельзя исключить возможность отражения языковых особенностей жителей Мекки и Йасриба (Медины) в тексте Корана, который, как уже было показано предыдущими исследователями, отражает диалектальные особенности населения Хиджаза и племени Курайш в частности [14, р.530]. Таким образом, представляется интересным и с исследовательской точки зрения оправданным сравнить особенности морфологического строения лексики мекканских и мединских сур. Широкий спектр и разнообразие морфологических моделей арабского языка позволяет сделать предположение о возможных различиях в реализации подобных форм в мединских и мек-

канских сурах, что может являться отражением языковой ситуации, существовавшей в Хиджазе во времена проповеди пророка Мухаммада.

Однако далеко не вся лексика Корана может послужить материалом для сравнения особенностей реализации морфологических моделей жителями Мекки и Йасриба (Медины). Из рассмотрения следует исключить религиозную лексику и другие слова высокого регистра, поскольку они являются формами сакрального языка, единого для всей Аравии. Это же справедливо и к многочисленным заимствованиям, относящимся к религиозной лексике, а также к неологизмам, встречающимся только в Коране. Таким образом, объектом рассмотрения должны стать общеупотребимые слова обиходно-разговорной лексики, при этом такие, которые часто и регулярно использовались бы на протяжении всего периода ниспослания и формирования Корана.

На роль искомого слоя лексики идеально подходят торговые термины. В период зарождения ислама, караванная торговля играла чрезвычайно важную роль в жизни арабийцев, включая самого Мухаммада, его ближайшее окружение, а также оппонентов новой религии. Поэтому торговые термины были широко употребительны как в Мекке, так и в Йасрибе (Медине). Более того, торговая терминология широко используется в Коране в рамках религиозного дискурса, в частности, для описания взаимоотношений между Богом и человеком. Это неудивительно, поскольку, согласно высказанному Ч.К.Торри предположению, жизненный опыт Мухаммада как торговца, а его слушателей – как людей, преимущественно занятых в торговле, неизбежно должен был отразиться в Коране, где большое внимание уделяется торговле как таковой. Более того, священное писание мусульман «пропитано атмосферой предпринимательства», что непосредственным образом повлияло на систему образов и метафор Корана [15, р. 2–3].

Как полагал исследователь, частота и регулярность использования этих слов позволяют выделить их в отдельный класс терминов, названных им «торгово-богословскими» (“commercial-theological”). Важно также отметить, что, вопреки распространенным в научной среде представлениям, которые придают непропорционально большое значение иудейскому и христианскому влиянию на содержание и форму Корана [1, с.212], эти термины преимущественно арабского происхождения [15, р.4]. Наконец, широкое использование торговой терминологии характерно как для мекканских, так и для мединских сур, а частота вхождения торговых терминов в них сопоставима [6, с. 82]. Разумеется, частота использования конкретных терминов и их распределение в тексте сур зависит от множества факторов: в частности, тематики и обстоятельств произнесения проповеди, а также особенностей аудитории [6, с.86]. Тем не менее, представляется оправданным поиск диалектного влияния на дистрибуцию морфологических моделей в тексте Корана, используя в качестве предварительной выборки торгово-экономические термины.

Анализ указанных лексических единиц позволил выявить отдельные случаи корреляции распределения синонимичных терминов, построенных по разным морфологическим моделям, с хронологическим порядком сур. Например, глагол *'atāba*, («вознаграждать, отплачивать») образованный от корня *t-w-b* по морфологической модели IV породы, используется в Коране 3 раза (3:153; 5:85; 48:18), причем все три случая употребления этой формы зафиксированы в мединских сурах. В словаре поэтов племени 'Абс зафиксировано в значении «отплачивать», «вознаграждать» зафиксирована только форма *'atāba* [3, р.75]. При этом в тексте Корана используется также синонимичная форма *tawwaba*, образованная по модели II породы и встреченная в суре раннего мекканского периода. Другим подобным примером является использование глагольных форм I (*kasaba*) и VIII (*iktasaba*) породы от корня *k-s-b* с общим значением «приобретать», «добывать». Глагольная форма I породы широко используется как в мекканских, так и в мединских сурах, однако использование синонимичной формы VIII породы характерно только для сур мединского периода. Вполне возможно, что таким образом отразились диалектальные различия между говорами Мекки и Йасриба. Можно ожидать, что подобный анализ других групп лексики выявит и другие диалектно обусловленные различия в использовании морфологических моделей, отраженные в хронологии ниспослания Корана.

Таким образом, Коран обладает поистине уникальным значением для анализа морфологических особенностей древних арабийских диалектов. Этому способствует, во-первых, тщательный лексикографический анализ языка Корана средневековыми арабскими филологами. Несмотря на присущие их трудам недостатки, обусловленные временем и средой их создания, они представляются достаточно информативным источником сведений по проблеме. Однако и сам по себе Коран, взятый в отрыве от традиционной экзегетической традиции, отражает социолингвистическую ситуацию в Ара-

вии на рубеже VI-VII вв. н. э. Это обусловлено особенностями фиксирующей устную речь текста, сложение которого заняло более двух десятилетий, причем положение говорящего, аудитория, место проповеди менялись со временем. Длительный период сложения текста Корана, протекавший в двух центрах Аравии, потенциально позволяет выделить в нем мекканский и мединский диалектальные слои, что открывает возможности для анализа не только племенных, но и региональных вариантов современного пророку Мухаммаду арабского языка. При этом сакральный характер коранического текста способствовал фиксации тех или иных диалектных особенностей, в т.ч. морфологического характера, причем те или иные гипотезы могут быть проверены посредством сравнительного анализа, опирающегося на широкую сопоставительную базу в виде эпиграфических памятников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Р., Уотт У. М. Коранистика: введение. СПб: «Издательство «ДИЛЯ», 2005. 256 с.
 2. Майзель С. М. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Издательство «Наука», 1983. 307 с.
 3. Полосин Вл. В. Словарь поэтов племени 'абс (VI-VIII вв.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 605 с.
 4. Редькин О. И. Арабское письменность: до или после ислама? // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. Вып. 2. С. 108–116.
 5. Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 605 с.
 6. Розов В. А. Торговая терминология в системе концептуальных метафор Корана // Ислам в современном мире. 2016. Т. 12. № 3. С. 79–88.
 7. Розов В. А. Традиционный и морфологически ориентированный подходы к изучению рифмы Корана // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: общественные и гуманитарные науки. 2019. № 5. Т. 184. С. 94–100.
 8. Bernikova O. A., Redlin O. I. Morphological Aspects of Emotiveness in the Quran // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. No. 36. Vol. 5. Sofia: STEF92 Technology Ltd., 2018. P. 389–396.
 9. Du Bois J. W. Self-Evidence and Ritual Speech // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology (Ed. by W. Chafe and J. Nichols). Norwood: Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 313–336.
 10. Gensler O. D. Morphological Typology of Semitic // Semitic Languages: An International Handbook (Ed. By S. Weninger). Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co, 2011. P. 279–302.
 11. Kaye A. S., Rosenhouse J. Arabic dialects and Maltese // The Semitic Languages (Ed. by R. Hetzron). London – New-York: Routledge, 1997. P. 263–311.
 12. Redlin O. I., Bernikova O. A. The text of the Quran as a Unique Source of Linguistic Information // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts.. No. 36. Vol. 5. Sofia: STEF92 Technology Ltd., 2018. P. 657–662.
 13. Rippin A. Ibn 'Abbās's Al-lughāt fi'l-Qur'ān // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1981. Vol. 44. No. 1. P. 15–25.
 14. Talmon R. Dialects // Encyclopedia of the Quran (Ed. by J.D. McAuliffe). Vol. 1. Leiden – Boston – Köln: Brill, 2001. P. 529–531.
 15. Torrey C. C. The Commercial-Theological in the Koran. Leiden: E.J. Brill, 1892. 51 p.
16. اسماعيل ابن عمرو المقرئ. كتاب اللغات في القرآن. القاهرة: مكتبة الرسالة، 1946 م. \ 1365 هـ.
 17. زياد طلافحة. لهجات القبائل العربية في النقوش: الواردة في القرآن الكريم والتراث // مجلة مجمع اللغة العربية الأردني. 2011. العدد (80)8. ص. 167–211.

Розов Владимир Андреевич,
лаборант-исследователь,

Научная лаборатория по анализу и моделированию социальных процессов
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9, Российская Федерация, 199034

E-mail: vladirozov@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.10.19

V. A. Rozov

THE QURAN AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE FEATURES OF MORPHOLOGY IN ANCIENT ARABIAN DIALECTS

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-183-189

The goal of this study is to demonstrate the significance of the Qur'an as a source of linguistic information about the morphology of the Arabian dialects in the pre-Islamic period. The paper analyzes the advantages and disadvantages of various approaches to identifying the dialect layer of the Quranic vocabulary. Among the traditional approaches, we could mention an appeal to the lexicographic works of medieval Arab authors, containing information on the dialect vocabulary in the Qur'an, and the usage of epigraphic sources as comparative material. The study also demonstrates the importance of the chronology of the Quranic text compilation as a potential criterion for identifying vocabulary related to the Meccan and Medinan dialects. This, along with turning to new approaches to studying the morphology of the Arabic language, allows expanding knowledge about the sociolinguistic situation in Arabia in the time of the emergence of Islam.

Keywords: Quran, Arabic dialects, vocabulary, morphology, chronology.

REFERENCES

1. Bell R., Watt U. M. *Koranistika: vvedenie* [Introduction to the Quran]. Saint Petersburg, «Izdatel'stvo «DILYA», 2005, 256 p. (In Russian).
2. Maizel' S. M. *Puti razvitiya kornevogo fonda semitskikh yazykov* [Evolution Ways of Roots in Semitic languages]. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka», 1983, 307 p. (In Russian).
3. Polosin V. V. *Slovar' poe'tov plemeni 'abs (VI-VIII vv.)* [Dictionary of Poets from the 'Abs tribe (VI-VIII centuries)]. Moscow, Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995, 605 p. (In Russian).
4. Red'kin O. I. *Arabskoe pis'mennost': do ili posle islama?* [Arabic Writing: before of after Islam?]. *Vestnik SPbGU, Ser. 13* [Bulletin of St. Petersburg State University, Issue 13], 2012, Vol. 2, pp. 108–116. (In Russian).
5. Rezvan E. A. *Koran i ego mir* [The Quran and its World]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2001, 605 p. (In Russian).
6. Rozov V. A. *Torgovaya terminologiya v sisteme konceptual'nykh metafor Korana* [Trade Terminology in the System of the Quran's Conceptual Metaphors]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 79–88. (In Russian).
7. Rozov V. A. *Tradicionnyy i morfologicheski orientirovannyi podkhody k izucheniyu rifmy Korana* [Traditional and Morphology-Oriented Approach toward the Quranic Rhyme]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, vol. 184, no. 5, pp. 94–100. (In Russian).
8. Bernikova O. A., Redlin O. I. *Morphological Aspects of Emotiveness in the Quran*. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, no. 36, vol. 5. Sofia, STEF92 Technology Ltd., 2018, pp. 389–396. (In English).
9. Du Bois J. W. *Self-Evidence and Ritual Speech. Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology* (Ed. by W. Chafe and J. Nichols). Norwood, Ablex Publishing Corporation, 1986, pp. 313–336. (In English).
10. Gensler O. D. *Morphological Typology of Semitic*. *Semitic Languages: An International Handbook* (Ed. By S. Weninger). Berlin – Boston, Walter de Gruyter GmbH & Co, 2011, pp. 279–302. (In English).
11. Kaye A. S., Rosenhouse J. *Arabic dialects and Maltese*. *The Semitic Languages* (Ed. by R. Hetzron). London – New York, Routledge, 1997, pp. 263–311. (In English).
12. Redlin O. I., Bernikova O. A. *The text of the Quran as a Unique Source of Linguistic Information*. 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts, no. 36, vol. 5. Sofia: STEF92 Technology Ltd., 2018, pp. 657–662. (In English).
13. Rippin A. *Ibn 'Abbās's Al-lughāt fi'l-Qur'ān*. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 1981, vol. 44, no. 1, pp. 15–25. (In English).
14. Talmon R. *Dialects*. *Encyclopedia of the Quran* (Ed. by J.D. McAuliffe), Vol. 1. Leiden – Boston – Köln, Brill, 2001, pp. 529–531. (In English).
15. Torrey C. C. *The Commercial-Theological in the Koran*. Leiden, E.J. Brill, 1892, 51 p. (In English).
16. *Isma'il ibn Amr al-Muqri'*. *Kitab al-Lughat fi al-Qur'an* [The Book of Languages in the Quran]. Cairo, Maktabat al-Risala, 1946 c. / 1365 h. (In English).

17. *Ziyad Talafahah*. Lahjat al-Qaba'il al-'Arabiyya fi al-Nuqush: al-Warida fi al-Qur'an al-Karim wa al-Turath [Arab Tribal Dialects in the Inscriptions: Evidence from the Quran and Sources]. *Majallat al-Mujamma' al-Lugha al-'Arabiyya al-Urduni* [Journal of The Jordanian League of the Arabic Language], 2011, no. 8 (80), pp. 167-211.(In English).

Vladimir A. Rozov.,

researcher of the Research laboratory for analysis and modeling of social processes

Saint-Petersburg State University,

Russian Federation, Saint-Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9, 19903

E-mail: vladirozov@yandex.ru